

В личном фонде Вернадского в Архиве Российской академии наук хранятся пять (!) объемистых папок, содержащих машинописный текст монографии с рукописными вставками и правками автора — итог его воистину титанической работы над «книгой жизни»²². В каждой из папок — порядка 200–250 страниц машинописного и рукописного текстов.

Мальчик на берегу Океана

В 1942 г. в «книге жизни» Вернадский делает очень характерное для него признание. Рассматривая вопрос о значении Тихого океана в геологической структуре Земли, он писал: «Я думаю, что натуралист должен здесь останавливаться в своей научной фантазии и должен оставить эту проблему, как и многие другие, будущим ученым. Он не должен забывать, как это ярко выразил в конце своей жизни Ньютон, что для массы вопросов, которые он может ставить и предчувствовать, он является мальчиком, строящим на морском песке детские постройки вместо градиозных проявлений реальности. Пройдут поколения, и другие решат их, снова очутившись мальчиками перед новыми вопросами, перед ними возникшими. В ноосфере для данного поколения есть предел, «его же не пройдеши»»²³.

В Боровом Владимир Иванович с новой силой и проникновенностью осознал и, пожалуй, в еще большей степени ощутил себя таким мальчиком, строящим из песка на берегу безбрежного Океана под названием «Вселенная» наивные и трогательные в своей наивности детские постройки...

На деле, конечно, все обстояло куда глубже и серьезнее. Мысль натуралиста была устремлена в будущее, предвосхищая его с большей или меньшей отчетливостью, проникая в него интуитивно. Проницательно эту черту подметил младший современник и друг Вернадского, русский математик академик Н. Н. Лузин, питавший к своему старшему коллеге по Академии, я бы сказал, почти сыновние чувства. Он писал Вернадскому:

С огромным и самым живым интересом прочел я о том, что Вы сообщили мне о Ваших идеях и о Вашей книге. Мимоходом я откликнуться на это не могу ввиду чрезвычайной важности основного предмета Ваших размышлений. А говорить, как следует — места нет.

Видите ли, я все больше и больше убеждаюсь в том, что основные линии Ваших научных целей и целей некоторых чисто математических работ — совпадают. В математическом анализе, по-видимому, предстоят существенные перемены. Математический анализ есть просто наука о бесконечном. И как всякая истинная наука — он не есть догма, но живет своей собственной жизнью, как физика и химия, но только страшно замедленной. Очень доволен, что Вам удастся консультироваться с академиками Бернштейном и Мандельштамом: это прекрасные математики

²² Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. 1940–1944 // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Ед. хр. 4–8.

²³ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. С. 220–221.

и их мнения вполне авторитетны для текущего отрезка научной жизни. Но все дело в том, что Ваша-то работа не укладывается в него, как и работа некоторых чистых математиков — Бореля и других — смотрящих очень далеко и не склонных игнорировать интересы момента²⁴.

Не будем забывать, что в марте 1942 г. Вернадскому исполнилось 79 лет и он вступил в 80-й год своей жизни. Слабели зрение и слух, участились боли в области сердца, простуда... Об этом Владимир Иванович нередко упоминает в записях в дневнике, в письмах. Но, как правило, именно упоминает. Он не жалуется, не хнычет, понимая неизбежность в его возрасте тягот физической старости.

Наряду с этим, мысль ученого продолжала оставаться по-юношески молодой. «К моему удивлению и радости (ведь мне 80-й год), голова у меня совсем молодая, хотя физически я сильно подался»²⁵. «Мысль моя не ослабла, — отмечал Вернадский, — может быть, даже еще растет»²⁶. «Глаза мои совсем испортились. Вижу звезды днем, иногда все двоится и четверится и, по видимому, ничего сделать нельзя», но «мысль идет все глубже и глубже»²⁷.

Как и ранее в молодые и зрелые годы, громадную роль в поддержании на высоком уровне работоспособности играли в жизни Вернадского *сознание и чувство долга, воля и самодисциплина*. Благодаря им, не только *режим*, но по сути и *весь образ жизни* подчинялся строгим психологическим и нравственным регулятивам. «Я бросил ночные работы, — писал Вернадский, — с моего переезда в Париж в 1922 г. и принял режим французский. Рано вставать и рано ложиться. Так как я хочу кончить свою книгу, то я веду строгий режим»²⁸. Некоторое время спустя: «Ночами сплошь я никогда не занимался, но в молодости занимался до 1–2 часов ночи. Вставал всегда рано. Никогда не сплю днем и никогда не ложусь днем отдыхать, если я не болен. Не курю и никогда не курил, хотя моя семья — отец, мать и сестры — все курили. Не пью (кроме — редко — вина). Водку пил раз в жизни»²⁹.

Сохранились многочисленные свидетельства очевидцев относительно стиля жизни и режима научной работы Вернадского. Н. Н. Лузин писал Вернадскому: «Ваша изумительная работоспособность, без сомнения, стоит в связи с чрезвычайной регулярностью и неуклонностью в работе и жизни. Это — прекрасный пример для подражания и большой урок всем нам. Кроме Вас

²⁴ Лузин Н. Н. Письмо В. И. Вернадскому 7 декабря 1942 г. // *Вернадский В. И. Переписка с математиками*. М., 1996. С. 82–83.

²⁵ *Вернадский В. И.* Письмо А. И. Яковлеву 31 декабря 1941 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 1916. Л. 14.

²⁶ *Вернадский В. И.* Письмо А. П. Виноградову 14 марта 1942 г. // Там же. Ед. хр. 336. Л. 20.

²⁷ *Вернадский В. И.* Письмо П. Л. Драверту 6 июля 1942 г. // Архив Государственного музея Омской области; Письмо А. Е. Ферсману 12 августа 1942 г. // *Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману*. М., 1985. С. 221.

²⁸ *Вернадский В. И.* Письмо Б. Л. Личкову 8 апреля 1942 г. // *Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым*. 1940–1944. М., 1980. С. 89–90.

²⁹ *Вернадский В. И.* Ответы на вопросы анкеты об организации научной работы. 29 июля 1943 г. // *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М., 1982. С. 473.

и покойного И. П. Павлова, я не знаю никого, кто был столь неуклонно следовал, как стрелке компаса, научным охраняющим правилам»³⁰.

Эти же охраняющие правила сыграли, бесспорно, решающую роль в том, что в 1942 г., помимо собственно научных работ, творчество Вернадского, обращенное уже на себя, свое Я, также продолжало развиваться. Это развитие шло по двум параллельным, но нередко взаимно пересекающимся направлениям. Это были:

«Дневник» и «Хронология»

Не случайно в заголовке этого раздела «Хронология» присоединена к «Дневнику» на равных правах. Вопрос этот чрезвычайно важен и на нем следует остановиться особо.

Суть дела в том, что на рубеже 30–40-х гг. Вернадский приступает к *двоякого рода* подведению итогов своей жизни. С одной стороны, это были итоги научные (книга «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения»); с другой — итоги собственного жизненного пути, которые должны были быть отражены в книге «Пережитое и передуманное».

К работе над книгой мемуаров Вернадский приступил в конце 30-х гг., сначала сильно сомневаясь в конечном успехе и потому ни в письмах, ни в дневниках не упоминая о задуманном. И только в дневнике 1942 г. об этом замысле говорится открытым текстом (как и в некоторых письмах этого года).

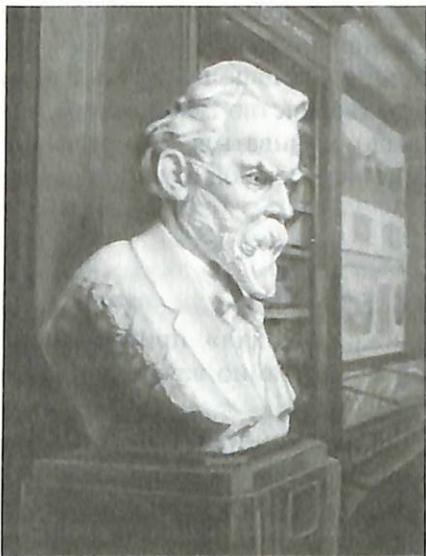
В течение нескольких лет подготовительные материалы к этой книге Вернадский аккуратно складывал в отдельные папки, получившие общее название — «Хронология». Суммарное число папок «Хронологии» составило внушительную цифру — 39 отдельных единиц хранения.

Каково же было содержимое этих папок? Это были чаще всего вырезки из текущих и старых газет, реже из журналов, машинописные копии писем и записок разным лицам и в различные инстанции (научные, учебные, административные и т.д.), копии отзывов на труды разных лиц, заметки в связи с прочитанными книгами, оригиналы некоторых писем к Вернадскому, обративших на себя его внимание и т.п.

Однако дело подобным справочным материалом отнюдь не ограничивалось. По сути почти в каждой из папок «Хронологии» исследователь находит двоякого рода материал, приближающий его к жанру «Дневника», если не сказать последнему тождественный.

Во-первых, это записи на отдельных листках, в тетрадках или блокнотах, обращенные к прошлому, как правило (из которого бывали исключения), точно датированные временем (часто с указанием и места) их написания. Нередко, но отнюдь не всегда, они носили автобиографический характер. Во-вторых, это записи, обращенные не к прошлому, а к настоящему, не попавшие в обычные тетрадки «Дневника» и отложенные в папки «Хронологии». Очевидно, что в обоих случаях — это по сути своей самые настоящие дневнико-

³⁰ Лузин Н. Н. Письмо В. И. Вернадскому 7 декабря 1942 г. // *Вернадский В. И. Переписка с математиками*, С. 84.

*Бюст В. И. Вернадского
работы З. М. Виленского.
Музей земледования МГУ*

вые записи. Они представляют тем большую ценность, так как цельной книги «Пережитое и передуманное» Вернадский, увы, создать не успел.

Поэтому присоединение таких записей в «Хронологии» к записям в «Дневниках» представляется и логичным, и необходимым. Без этого «Дневники» Вернадского, заведомо можно сказать, будут явно неполными. Однако это требует в настоящем и еще потребует в будущем значительной дополнительной работы.

В целом в «Дневниках» и «Хронологии» Вернадского последних лет жизни раскрываются изнутри рождение и эволюция его научных и философских идей и замыслов, размышления о науке, философии, религии, искусстве, о текущих событиях социально-политической жизни в СССР и в мире, его взаимоотношения с учениками и коллегами, родственниками и друзьями, зарубежными и отечественными учеными, общественными и по-

литическими деятелями, новые черты приобретает его гражданская позиция, уточняется и обогащается общая картина создания завершающей его творческий путь книги «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения».

«Пережитое и передуманное»

Судя по материалам «Хронологии», дневниковым записям и письмам конца 1942 — начала 1943 г., Вернадский собирался в этой книге рассмотреть в тесном переплетении друг с другом, на фоне живых картин личных встреч, впечатлений, размышлений, следующие кардинальные вопросы: современная историческая эпоха; наука XIX–XX вв.; люди прошлого и современники; творческая автобиография.

В письмах к друзьям Вернадский писал:

Я никогда не жил одной наукой... Надо считаться, что за 80 лет творческая работа, вообще говоря, прекращается, и надо переходить к более легкой. Собираю материал о пережитом и передуманном. Начинаю так глубоко, сколько могу... Мы пережили такое удивительное время, значение которого далеко еще не понято, и я видел столько замечательных людей, как редко кто ³¹.

³¹ Вернадский В. И. Письмо Б. Л. Личкову 23 марта 1943 г. // Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым. 1940–1944. М., 1980. С. 134.

...Я видел столько удивительных людей в разных странах; в частности, кроме России — во Франции, Англии, Бельгии, Австрии, Чехословакии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Италии, Голландии, Ирландии, Германии, США, Дании, Финляндии, Польше, Украине, Греции, Румынии, Венгрии. И я пережил сознательно такие мировые события, которые раньше никогда не бывали ³².

Не надо быть провидцем, чтобы предугадать, какое интереснейшее произведение о пережитом и передуманном вышло бы из-под пера Владимира Ивановича, проживи он еще несколько лет...

Ниже впервые публикуются выдержки из дневника, некоторые письма, заметки, посвященные хорошо знакомым В. И. Вернадскому людям, хранящиеся в его личном фонде Архива Российской академии наук.

ИЗ АРХИВА В. И. ВЕРНАДСКОГО 1942 г.

1

Из дневника ³³

16 января. Окончательно отделяю свою речь «О геологических оболочках Земли как планеты». Аня <Шаховская> будет читать.

18 января. Вчера готовился окончательно с Аней и один к сегодняшнему докладу — составил текст своего краткого введения и окончательно утвердил текст и схемы доклада, который прочтет Аня. Над схемой работали много и Аня, и Раиса Львовна Берг ³⁴.

19 января. Вчера сделал доклад «О геологических оболочках Земли как планеты». Над этим докладом я работал с большим удовольствием и творческим настроением. Лично им я доволен. Аня прочла <его> очень хорошо. Маленькая аудитория библиотеки была переполнена. После того еще долго <задавали> вопросы. Я сказал предварительно небольшое введение, которым тоже доволен. Раиса Львовна Берг (работает в Институте генетики) потратила много сил и труда для приготовления таблицы. Любопытно впечатление детворы. Ма-

³² Вернадский В. И. Письмо А. М. Симорину 17 апреля 1943 г. // Архив Музея В. И. Вернадского Института геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН.

³³ Нижеследующие записи в дневнике относятся к докладу, с которым В. И. Вернадский выступил в январе 1942 г. на собрании академиков, научных сотрудников, членов их семей, других лиц, проживавших в Боровом и по соседству с ним. Накануне М. Ф. Андреева писала в Москву А. М. Деборину: «Читал тут как-то Маслов П. П. воспоминания о Гарине-Михайловском, вот плохо-то было, уй-уй-уй! На днях выступит В. И. Вернадский. Это, должно быть, будет очень интересно» (Андреева М. Ф. Письмо А. М. Деборину. Январь 1942 г. // Андреева Мария Федоровна. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 434).

³⁴ Р. Л. Берг (р. 1913) — биолог-генетик, ученица Г. Мёллера, И. И. Шмальгаузена, Н. В. Тимофеева-Ресовского; дочь Л. С. Берга. «В тот год, когда я жила в Боровом, я прирабатывала, рисуя иллюстрации к докладам академиков... Иллюстрировала я и доклад Вернадского» (Берг Раиса. Суховой. Воспоминания генетика. Нью-Йорк, 1983. С. 75).

ленькая «дочка» М. Ф. Андреевой Мариночка³⁵ спросила ее, как же нас учат иначе. Как раз <получился> тот результат, которого я хотел для взрослых. Андреева ясно поняла, что я стою на точке зрения не *начала* жизни и т. п., а <ее> вечности. По-видимому, доклад имел успех. Но для меня важно то, что он идет против рутины, охватившей наших биологов. Для них все это было ново.

**Введение к докладу
«О геологических оболочках Земли как планеты»³⁶**

18 января 1942 г. Боровое

Я прошу Собрание извинить меня, что я не буду сам читать свой доклад. Подходя к 80-ти годам жизни, я должен считаться с ее брэнностью. Доклад прочитает мой друг и ученый секретарь А. Д. Шаховская. Но я хочу объяснить, почему все-таки при этих условиях доклад делаю. Моя научная работа сложилась так, что с моих молодых лет и до сих пор я научно работаю на границе научно понимаемой реальности.

В нашей стране ярко чувствуется в этой области резкое расхождение между теми представлениями, которыми мы руководимся в нашей научной работе, и теми, которые преподаются в нашей школе, даже высшей, и которые проникают в популярную литературу, доступную нашей народной интеллигенции.

Школа и популярная литература в этой области отстают от основ современной научной работы на десятки лет. Несомненно, такое положение вредно для нашей культуры. Оно должно быть изжито возможно быстро.

Этим определяется выбор моей темы.

Неожиданное нашествие варваров на нашу страну сразу остановило ту большую работу, организацией которой мы были в это время заняты и которая, я уверен, возродится, как только враг исчезнет из наших пределов.

В Биогеохимической лаборатории мы были заняты последние месяцы перед войной организацией определения точного химического состава области жизни — биосферы — на глубину двух километров от земной поверхности для *Московской области*. Мы хотели дать ее первую точную *геохимическую* карту. Тема эта была поддержана Академией наук и должна была дать в руки наших геологов новое мощное орудие геологической разведки полезных ископаемых.

Для этого мне лично пришлось проделать предварительную работу, одним из результатов которой является то представление о строении биосферы и ее окружения, которое содержится в моем докладе.

*Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 8, 11; Ед. хр. 52. Л. 3.
Рукопись-автограф; машинописная копия.*

³⁵ Приемная дочь М. Ф. Андреевой.

³⁶ Ранее «Введение» вместе с основным текстом доклада публиковалось дважды (см. Известия АН СССР. Сер. географии и геофизики. 1942. № 6. С. 251–262; *Вернадский В. И.* Избр. соч. М., 1959. Т. IV. Кн. 1. С. 90–102). Однако из него было сделано несколько цензурных купюр. Здесь оно воспроизводится полностью в соответствии с оригиналом, хранящимся в одной из папок подготовительных материалов Вернадского к «Пережитому и передуманному».

2

Два письма вице-президенту АН СССР О. Ю. Шмидту³⁷

19 января 1942 г. Боровое

Уважаемый Отто Юльевич,

23 декабря я просил Вас выслать бумагу, необходимую мне для научной работы. Это беда и всех академиков в Боровом.

Было бы желательным, что когда делаются постановления по нашим заявлениям, нас бы извещали из Вашего аппарата. Так, кроме вопроса о бумаге, мы не имеем никакого ответа относительно выписки газет «Правды» и «Известий».

Никто из академиков здесь газет не получает, хотя обращались еще в ноябре. Аппарат Ваш увеличен, у Вас есть помощники, и надо, чтобы в такое время они нам отвечали на наши заявления и извещали о постановлениях Президиума, нас касающихся.

Сейчас обращаюсь к Вам по следующему неотложному делу. Ученый секретарь Комитета по метеоритам Л. А. Кулик, призванный в народное ополчение в первых числах июля, был зачислен в саперную роту по Ленинскому району г. Москвы. В последнее время он имел звание ротного старшины³⁸.

3–4 октября часть, в которой он находился, оказалась в окружении. С тех пор от самого Кулика нет никаких известий. Бойцы, которые в середине октября вернулись из этой же части в Геологический институт, сказали, что они видели, что Кулик вместе со Здравомысловым³⁹ пытались выйти из окружения. Но они вернулись, а он нет. Жена его Л. И. Кулик, служащая в библиотеке Академии, никаких известий о нем не имеет. Позже мы получили известие, что Казачинский, заместитель директора Геологического института, сообщил Е. Л. Кринову⁴⁰, что он слышал от Дорманда, бухгалтера Кавказской экспедиции, который тоже был в народном ополчении и вернулся после разгрома их

³⁷ Об обстоятельствах первого заочного знакомства В. И. Вернадского с О. Ю. Шмидтом как ученым и его общественной и административной деятельностью после 1917 года см.: *Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921*. Киев, 1997. Кн. 2. Январь 1920–март 1921. С. 128–129; *Сорокина М. Ю. Примечания и комментарии // Там же*. С. 186–188.

³⁸ Кулик Леонид Алексеевич (1883–1942) — минералог, специалист в области метеоритики, руководитель экспедиций в район падения Тунгусского метеорита, ученый секретарь Комитета по метеоритам АН СССР, ученик В. И. Вернадского. О нем см.: *Вронский Б. И. Тропой Кулика*. М., 1984; *Евгеньев И., Кузнецова Л.* За огненным камнем. М., 1958. С. 161–195. В ополчение Кулик пошел добровольцем, будучи уже в достаточно преклонном возрасте. «Л. А. Кулик, — писал Вернадский, — ушел в ополчение. Его возвращали, но он решил остаться» (*Вернадский В. И. Письмо А. П. Виноградову 4 сентября 1941 г. // Переписка В. И. Вернадского и А. П. Виноградова. 1927–1944*. М., 1995. С. 253). Судьба Л. А. Кулика, как и многих московских ополченцев, сложилась трагически. Часть, в которой он служил, попала в окружение; Кулик был ранен и взят в плен; самоотверженно ухаживал за ранеными советскими бойцами в тифозном бараке в Спас-Деменске Калужской области, где и погиб в апреле 1942 г.

³⁹ Видимо, сотрудник Геологического института АН СССР.

⁴⁰ Кринов Евгений Леонидович (1906–1984) — специалист в области метеоритики, ученик Вернадского и сотрудник Л. А. Кулика, впоследствии ученый секретарь Комитета по метеоритам АН СССР.

части, что Кулик был убит или ранен на повозке, где он сидел. Насколько верны все эти рассказы и слухи, конечно, неизвестно.

Необходимо, мне кажется, чтобы Академия наук навела официальные справки о Кулике в соответствующих воинских частях.

13 марта 1942 г. Боровое

Уважаемый Отто Юльевич,

Только на днях я ознакомился с текстом постановления Президиума от 16. I. 1942 г. за № 62–5, сообщенным Вами почетному академику Н. Ф. Гамалея⁴¹.

В этом постановлении говорится, что «пребывание академиков в Боровом является временным и имеет целью обеспечить им отдых и восстановление сил и поэтому не должно быть связано с выполнением каких-либо работ».

Так как я в числе предполагаемых работ просил средства для исследования радиоактивности Борового и так как я принципиально не согласен с выданным Президиумом тезисом, то я обращаюсь к Вам с просьбой пересмотреть это решение, так как считаю его по существу неправильным, по отношению ко мне, по крайней мере.

Мне пошел сейчас 80-й год. Я бесконечно благодарен Академии, что она дала мне возможность провести почти 8 месяцев в Боровом в научной работе, так как она вместе со мной откомандировала моего научного секретаря А. Д. Шаховскую, с которой я неуклонно работаю ежедневно, строго выдерживая полагающиеся служебные часы.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 320, 339. Машинописные копии.

3

Академик Ф. И. Щербатской⁴²

Март 1942 г. Боровое

18. III рано утром тихо скончался — сердце не выдержало — академик Федор Ипполитович Щербатской, неожиданно быстро. С ним ушел еще один из младших моих сверстников, академиков, связанных со мною личными связями и личным общением⁴³. Ученый очень крупного масштаба. Мне много

⁴¹ Гамалея Николай Федорович (1859–1949) — микробиолог, почетный академик АН СССР; в июле 1941 г. был избран председателем Казахской группы академиков и членов-корреспондентов АН СССР, эвакуированных в Боровое.

⁴² О жизни, научном творчестве, мировоззрении Ф. И. Щербатского (1866–1942) см.: *Бонгард-Левин Г. М.* Предисловие. *Семичов Б. В., Зелинский А. Н.* Академик Федор Ипполитович Щербатской // *Щербатской Ф. И.* Избр. труды по буддизму. М., 1988. С. 3–41; *Шохин В. К.* Ф. И. Щербатской и его компаративистская философия. М., 1998. Памяти Щербатского Вернадский посвятил краткий очерк, хранящийся в материалах его «Хронологии».

⁴³ 19 марта 1942 г. Вернадский записал в дневнике: «Умер неожиданно Ф. И. Щербатской. Я не был на выносе и еще берегу себя. Поддерживаю себя осторожным режимом. Мы знали о его опасном положении. Фрейманы, Рихтер, Ляпуновы окружили его уютом. Речи перед выносом в маленькой комнатке говорили В. М. Алексеев, А. А. Фрейман. Уже вчера <врач> Со-

приходилось вести разговоры с Федором Ипполитовичем еще до избрания его в академики, которое произошло в мое отсутствие в 1918 году. Когда я вернулся в 1921 г. <в Петроград>, мне кажется, он уже был за границей. Нас было трое <академиков>, которые пробыли при советской власти за границей — Крылов ⁴⁴, Щербатской и я — несколько лет и вернулись назад.

Я очень интересовался индийской философией, которую, в связи с историей науки, считаю более интересной, чем современную европейскую и американскую. Щербатской являлся крупнейшим ее знатоком. Но мое отношение к ней в корне иное. Щербатской — независимо и глубже Masson Oursel ⁴⁵ — указал на прохождение ею тех же стадий развития, как и европейская философия. Я был на диспуте ⁴⁶ — читал почти все работы Masson Oursel в Париже и думаю, что Щербатской глубже. Щербатской в советское время для своих учеников вел семинарии по истории философии. Мне казалось тогда — несколько лет назад, — что это единственное явное проявление философской мысли в Союзе. Тогда я не знал об использовании (безымянно) остатков философски и научно образованных ученых, как Фохт, Четвериков ⁴⁷ и др., и не-

фья Савельевна Слиозберг считала его положение почти безнадежным. Сердце не выдержало, он не мог, зная опасность, выдержать диету, много пил» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 27). Об идейных связях Вернадского и Щербатского см. *Васильков Я. В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского // *Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации.* М., 1989. Вып. 4. С. 210–211, 222–223; *Росов В. А.* В. И. Вернадский и русские востоковеды. СПб., 1993. С. 44–48, 53–70.

На протяжении многих лет духовная близость двух ученых питалась общими интересами, прежде всего философскими. Расставшись с Щербатским после переезда в 1935 г. из Ленинграда в Москву и утратив возможность столь частого, как это было ранее, личного общения с ним, Вернадский писал другу не без горечи: «Мне очень было жаль, что я не смог видаться с Вами перед отъездом. Редкие наши свидания были для меня очень дороги; я мог встречаться в Вашем лице с человеком, который философски мыслит, и хотя я считаю себя философским скептиком, — и самым решительным образом — со все растущим убеждением и со все более углубленным сознанием в наш исторический момент примат науки над теперешней и старой философией становится для меня несомненным, — все же это преходящее явление. Через поколение, а может быть, раньше, наступит очередь философии, и проблемы глубочайшего значения, чуждые сейчас философии, ею будут охвачены... Чувствуется огромная потребность общения с людьми философской мысли и философской культуры. Мне Вы давали очень много. До Вас — Радлов. В Праге — Лосский, к сожалению, все больше и больше удаляющийся в христианскую теологию. Не знаю, есть ли кто в Москве: как будто в кругу лиц, среди которых я обитаю, — никто» (*Вернадский В. И.* Письмо Ф. И. Щербатскому 18 января 1936 г. // Архив РАН. Ф. 725. Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 3). «Я люблю с Вами побеседовать на разные научные и философские темы, — писал в ответ Щербатской. — Философия тем жизненна, что тот, кто стремится от нее отделаться, не имеет другого средства, как ту же философию, — так было всегда во всех странах и во все древние и новые эпохи» (*Щербатской Ф. И.* Письмо В. И. Вернадскому 31 января 1936 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 1896. Л. 12).

⁴⁴ Крылов Алексей Николаевич (1863–1945) — кораблестроитель, механик и математик, в годы войны проживал в Боровом.

⁴⁵ Массон Урсель Поль (1882–1956) — французский философ, востоковед.

⁴⁶ Об этом диспуте, состоявшемся в Париже 18 июня 1923 г., см. *Вернадский В. И.* Дневники. Март 1921 — август 1925. М., 1998. С. 112.

⁴⁷ Фохт Борис Александрович (1875–1946) — историк философии, переводчик Канта, Гегеля; Четвериков Иван Пименович — философ и психолог. В 20–30-е гг. Вернадский неоднократно встречался с ними, что нашло отражение в его дневниковых записях. В ноябре 1938 г., опи-

дооценивал работу Института философии <АН СССР>. Выпускаемая им «История философии» (первый том которой читал и Щербатской, — брал у меня), несомненно, интересна и есть шаг вперед⁴⁸. Может быть, я несколько и пересаливаю, когда думаю, что сейчас философия не может помочь в научной работе.

Огромное несчастье Щербатского и ряда других наших ученых (например, Крачковского⁴⁹, Добиаш-Рождественской⁵⁰ и др.) из гуманитарных наук, что все его ученики, среди них талантливые — погибли или гибнут в ссылке, явились жертвами негодяев вроде Ягоды, Ежова и К⁰. Все его хлопоты были напрасны. Некоторые (Обермиллер?) умерли⁵¹.

Щербатской не был учеником С. Ф. Ольденбурга⁵², как я долго думал. Он ученик Минаева⁵³ и заграничных ученых. Ольденбурга не пустили в Индию англичане, Щербатского пустили. Он там учился у местных специалистов. Он мне говорил, что самое большое, что поразило его — это полное подавление чувственности, полная и глубокая духовность по отношению к женщине в этой среде.

Теперь я жалею, что мало его расспрашивал. Правду сказать, написав это, чувствую, что только внешне я это чувствую — не стал бы больше углубляться в его душу — очень глубокого ученого, но циника — но человека большого.

сывая жестокие преследования «органами» И. П. Четверикова и его друга православного философа П. П. Кудрявцева, Вернадский заключает: «Результаты: такие бездарности, как Юдин, Минтин — царят в нашей философии. Далеко на них не уедешь» (*Вернадский В. И. Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 3. С. 260*).

⁴⁸ Несколько позже Вернадский писал: «Здесь историки философии стеснены чрезвычайно цензурой. Впрочем, первые два тома «Истории философии» Философского института лучше, чем я ожидал, хотя не дают понятия о современном состоянии знания, так как их классики умерли еще в XIX столетии, а заходить за пределы их знаний они не смеют. Но так как и в царское время не было свободы мысли для философии, то изложение истории философии с точки зрения атеизма несомненно интересно. Новой литературы, после своих классиков, они не указывают и, вероятно, не знают» (*Вернадский В. И. Письмо Б. Л. Личкову 24 сентября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 21*).

⁴⁹ Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – арабист, академик. Переписку Вернадского с ним см.: *Росов В. А. Указ соч. С. 78–88*.

⁵⁰ Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна (1874–1939) — историк-медиевист, ученица друга Вернадского Ивана Михайловича Гревса, первая в России женщина — доктор наук по всеобщей истории, основательница отечественной школы латинской палеографии, член-корреспондент АН СССР.

⁵¹ «Трагически сложилась судьба Ф. И. Щербатского как учителя востоковедов, основателя школы. Если двое его любимых учеников, О. О. Розенберг и Е. Е. Обермиллер, умерли молодыми, то остальные в 1937 г. были репрессированы, ушли туда, куда он даже не мог послать им слово участия. Многие годы спустя вышел живым из сталинских лагерей только один из учеников Ф. И. Щербатского – Б. В. Семичов. Почти все рукописи их трудов пропали. К августу 1937 г. из семи сотрудников и аспирантов, остававшихся при Ф. И. Щербатском, уцелел лишь один – тибетолог-лингвист Е. Н. Козеровская» (*Васильков Я. В. Указ. соч. С. 206*).

⁵² Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед, академик, близкий друг Вернадского.

⁵³ Минаев Иван Павлович (1840–1890) — востоковед, основатель русской индологической школы, профессор Петербургского университета.

Он очень критически относился к С. Ф. Ольденбургу как ученому. Однако последние годы он с Е. Г. Ольденбург⁵⁴ и Ольгой Александровной Крауш (бывшая Ферсман)⁵⁵ сделал огромную работу, приведя в порядок для печати дневники экспедиций С. Ф. Ольденбурга в Среднюю Азию. Если они не пропали — это огромный труд Щербатского.

Он в последнее время изменил свою фамилию — вместо Щербатский стал Щербатской. Его предок украинец — видный духовный деятель Украины XVIII века эпохи гетманства. Думаю, что здесь влияние семьи.

В последней своей книге об индийской логике на английском языке⁵⁶ он, по его словам, выразил свое общее мнение в беллетристической форме в конце книги в виде встречи в другом мире древних индийских философов с Кантом, Ньютоном и т. п. Месяцами лежала эта книга у меня на столе, ожидая прочтения, — так и не дождалась. Он говорил, что цензура потребовала изменения этого диалога — он отказался, но сказал — изменяйте, как хотите, — я протестовать не буду, но сам менять не буду. В конце концов, выпустили книгу как она есть.

Федор Ипполитович считал, что индусская философия не пошла дальше Канта, который как бы завершил данным путем достижимое. Индийская философия достигла этого столетиями раньше⁵⁷. Дальше Канта не пошла и наша, или это случайное совпадение?

Последние годы он чувствовал какую-то тревогу старого холостяка. Жил одиноко — мать умерла (я ее не знал). Сошелся со старой, кажется, финкой или эстонкой, — преданным ему человеком, на которой он недавно в конце концов женился. Оставшись стариком — умер 76-ти лет, потерял способность работать научно с той интенсивностью и глубиной, к каким он привык. Он потерял все, когда погибли или гибнут все его ученики, которые могли бы его поддержать и даже могли бы с ним работать, так как память и знания, и идеи он сохранил — но физически ослаб.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 37;
Ед. хр. 4. Л. 101. Рукопись-автограф.

⁵⁴ Ольденбург (урожд. Клеменц) Елена Григорьевна (1875–1955) – педагог, научный сотрудник Государственного Эрмитажа, жена С. Ф. Ольденбурга.

⁵⁵ Вторая жена ученика Вернадского академика А. Е. Ферсмана (См.: Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману. М., 1985. С. 142–145).

⁵⁶ *Stcherbatsky Th. Buddhist logic*. Leningrad. 1932. Vol. 1. 500 p.; 1930. Vol. 2. 468 p. Сравнительно недавно введение к этому главному труду Щербатского опубликовано на русском языке с обстоятельными комментариями к нему В. И. Топорова; см.: *Щербатской Ф. И. Избр. труды по буддизму*. М., 1988. С. 54–111, 264–380.

⁵⁷ В раннем варианте «Буддийской логики», опубликованном в 2-х частях в 1903 г. и 1909 г. и в 1995 г. переизданном, Ф. И. Щербатской неоднократно проводит параллели между буддийской философией и воззрениями И. Канта; см.: *Щербатской Ф. И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов*. СПб., 1995. Ч. I. С. 44, 49 и др.; СПб., 1995. Ч. II. С. 58, 136, 230 и др.

Июнь 1942 г. Боровое

Павел Егорович Старицкий кончил Технологический институт в Петербурге. Был твердый, прямой, благородный в лучшем смысле слова человек, с большим характером, добросовестный в работе и жизни, верный друг и любящий семью и близких. Не понимаю, отчего у него не сложилась личная жизнь.

Я познакомился с ним раньше, чем с Наташей <Старицкой>, на одном из студенческих собраний, чуть ли не случайно в концерте или театре. Как-то мы с ним вспоминали и не пришли к конкретному решению — но я ясно помню, что я встретился с ним раньше, чем познакомился с Наташей.

Скромный, молчаливый, самостоятельно мыслящий, демократ и гуманист в душе. Много черт его отца, Егора Павловича⁵⁹. Честный и работающий. И в то же время, как инженер, твердый и строгий вождь.

Патриотический долг он понимал широко и глубоко. В семье была традиция: *государство, но не династия или сословия*. Это было в обеих наших семьях — Вернадских и Старицких-Зарудных⁶⁰. Он был одним из тех инженеров, которые решительно и сознательно стали на сторону народа и демократии — России, а не ее дворянства или царя.

Как инженер, он всю жизнь учился и шел вперед. И можно сейчас сказать, что он исполнил свой *долг*, сознательно и решительно.

Я не знаю истории инженерной научной мысли в нашей стране, но ее нет — так, как и история науки в ней, <она> не написана — *реального хода* ее мы не знаем. Я дважды столкнулся с инженерами, встретив в них более связанных с жизнью людей, чем среди друзей — профессоров и академиков. Под этим влиянием я всегда интересовался политехническими институтами и следил за литературой по высшей школе за границей, особенно английской и американской. Я стоял за полную равноправность. Энергично инженеры поддерживали Академический союз, который организовался в 1907–1909 гг.

⁵⁸ Старицкий Павел Егорович (1862–1942) — брат жены Вернадского Натальи Егоровны Старицкой (Вернадской) (1860–1943), инженер-технолог, в 1890-е гг. работал инженером, директором металлургических заводов в Центральной России, с 1902 г. — в Петербурге (Петрограде). После 1917 г. работал в Москве, часто бывал в зарубежных командировках. В письмах и дневниках Вернадского П. Е. Старицкий в разных контекстах упоминается неоднократно. Посвященную П. Е. Старицкому заметку Вернадский набросал вскоре после его кончины в Москве.

⁵⁹ Старицкий Егор Павлович (1825–1899) — государственный деятель либеральной ориентации, участник реформ 1860-х гг., член Государственного совета, отец жены Вернадского. После кончины тестя Вернадский опубликовал в газете «Русские ведомости» (6 июня 1899 г.) посвященный его памяти некролог (*Вернадский В. И.* Публицистические статьи. М., 1995. С. 298–299).

⁶⁰ Старицкая (Зарудная) Мария Ивановна (1830–1914) — мать Натальи Егоровны, происходила из старинного помещичьего рода, родилась и воспитывалась в семье, в которой было 10 детей, получила прекрасное образование, знала несколько европейских языков; в 1858 г. вышла замуж за Е. П. Старицкого, разделяла его взгляды и интересы. Старицкие и Зарудные — дали России ряд общественных и государственных деятелей. О роде Старицких см. комментарий М. Ю. Сорокиной в кн.: *Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1921. Кн. 2. Киев, 1997. Январь 1920 – март 1921. С. 142–148; там же о Зарудных см. именной указатель.

в связи с моей статьей в «Речи». Мне кажется, статья К. А. Тимирязева в «Русских ведомостях» прошла бесследно⁶¹. Петербургская пресса была слабее. Следующее общение с инженерами было в 1915 г. в связи с Комиссией по изучению естественных производительных сил России.

Наконец, личные дружеские связи — С. П. Тимошенко, А. И. Астров (убитый большевиками), Гриневецкий⁶² — выдвинули плановую работу. Паша играл большую роль как работник в Гипромете и т.п. и дважды был командирован в Америку. Был решительным и убежденным сторонником американской, а не германской инженерной техники.

Паша был сперва на Колпинском заводе, потом Путиловском, где его застала революция. Первую поездку в Америку он сделал до революции, на свой счет. Эти связи помогли ему в поездке 1927–1928 гг. <в США>.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 323. Рукопись-автограф.

5

Письмо С. В. Короленко⁶³

3 августа 1942 г. Боровое

Дорогая Софья Владимировна,

Очень рады были получить Ваше письмо. Тусик⁶⁴ прелестный и явно маленькая личность.

Хотя я не очень большого мнения об аппарате нашей Академии наук, в руки которой Вы попадете, но я думаю, что по существу правильно Музей

⁶¹ Здесь автор имеет в виду свою статью «О профессорском съезде», которая была опубликована не в «Речи», а в газете «Наши дни» (20 декабря 1904 г.) (Вернадский В. И. Публицистические статьи. С. 26–31). Статья эта действительно сыграла значительную роль в создании Академического союза, учредительный съезд которого состоялся в марте 1905 г. в Петербурге (а не в 1907–1909 гг.). Однако мнение Вернадского о том, что статья К. А. Тимирязева «Академическая свобода», опубликованная несколько ранее в газете «Русские ведомости» (27 ноября 1904 г.), якобы «прошла бесследно», не соответствует действительности.

⁶² Тимошенко Сергей Прокофьевич (1881–1958) — инженер, архитектор, с 1924 г. в эмиграции; Астров Александр Иванович (1870–1919) — инженер-гидравлик, профессор Московского высшего технического училища, расстрелян в сентябре 1919 г. по делу так называемого «Национального центра»; об убийстве Астрова и его коллег см.: Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 112; Гриневецкий Василий Игнатьевич (1871–1919) — инженер-теплотехник, профессор и ректор Московского высшего технического училища; о нем см.: Научные школы МГТУ (МВТУ) имени Н. Э. Баумана. История развития. М., 1995. С. 10–11, 28, 101–102, 207, 214–215, 220–222; в 1900-е гг. Вернадский и Гриневецкий входили в состав совета Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х. С. Леденцова, которое состояло при Московском университете и МВТУ.

⁶³ Короленко Софья Владимировна (1886–1957) — старшая дочь троюродного брата В. И. Вернадского писателя Владимира Галактионовича Короленко (1853–1921), исследовательница творчества и биограф отца, издательница его произведений, организатор и первый директор Полтавского литературно-мемориального музея В. Г. Короленко. Во время войны ходатайствовала о передаче Музея о ведение Академии наук СССР.

⁶⁴ Наташа (Туся, Тусик) — трехлетняя внучка дочери Владимира Галактионовича Короленко Наталии Владимировны Ляхович-Короленко, приехавшая с бабушкой летом 1942 г. к Вернадским в Боровое.

В. Г. Короленко соединить с Всесоюзной академией, по существу русской, так как он был одним из крупных русских писателей — классиков русской литературы, который еще долго будет читаться, а сейчас очень читается. И надо дать настоящее научное издание, которого мы, к сожалению, для русских писателей еще не имеем. Конечно, надо перейти в русскую Академию с согласия Украинской, что и сделано.

Мне кажется очень важным проследить вглубь генеалогию Владимира Галактионовича. Мой отец, на которого я очень похож, — похож на свою мать, мою бабушку, Екатерину Яковлевну Короленко. Перечитав теперь первую часть «Истории моего современника», я к удивлению своему увидел целый ряд черт детства Владимира Галактионовича, которые чрезвычайно напоминают мои детские переживания.

К сожалению, бумаги моей сестры, Е. И. Короленко⁶⁵, которая интересовалась прошлым, пропали, по-видимому, безвозвратно. Мою бабушку я не знал, так как она умерла в 1844 г. Это была, по-видимому, очень крупная личность. Прадед Владимира Галактионовича, Яков Короленко (он же и мой прадед)⁶⁶, был смотрителем таможни в Таганроге, и у него несколько раз останавливался Александр I, и благодаря этому Евграф Максимович Короленко⁶⁷, которого так правильно художественно описал В. Г. <в «Истории моего современника»>, попал в Пажеский корпус. Это был дорогой мне человек, которого я очень любил и который очень много мне дал в моем детстве. Его сочинение о Дарвине (рукопись) было передано перед его смертью мне и оно хранится. Я его, к сожалению, не читал, но думаю, что оно сохранилось в его же портфеле.

В одном из выпусков Бюро по евгенике, которое существовало при Академии наук как отдел при Комиссии по изучению естественных производительных сил России, напечатан мой ответ на анкету Ю. А. Филипченко⁶⁸, где я указываю на то, что евгенически я в Короленко, а не в Вернадских. Это было так давно, что я не помню, кроме общего впечатления, и если все будет благополучно и вернусь в Москву, то смогу дать более точные данные. Евге-

⁶⁵ Короленко (урожд. Вернадская) Екатерина Ивановна (1864–1910) — сестра В. И. Вернадского.

⁶⁶ «Сведения, которыми располагал Короленко о своем прадеде Якове Короленко, более чем скудны. Со слов отца, он именуется то полковым писарем, то казацким старшиной, не скрывая в последнем случае, что речь идет не о достоверном факте, а о «смутном семейном предании». «Смутным» оно было в силу того обстоятельства, что узнать со слов отца о прадеде Короленко мог лишь в детстве и отрочестве (в год смерти отца ему исполнилось пятнадцать лет); позднее же, когда интерес писателя к семейной хронике значительно возрос, удовлетворить его было уже практически некому. Между тем Яков Короленко вызывает особый интерес, поскольку является прадедом не только большого писателя, но и выдающегося ученого» (*Меламед Е. И.* Корни: Из родословной В. Г. Короленко // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1994. Вып. 4. С. 154–155). Сведения, сообщаемые Вернадским в этом письме о своем и В. Г. Короленко прадеде, были скорее всего почерпнуты из рассказов его отца Ивана Васильевича Вернадского.

⁶⁷ Е. М. Короленко (1810–1880) — двоюродный дядя В. И. Вернадского, оказавший большое влияние на формирование его личности и мировоззрения.

⁶⁸ Филипченко Юрий Александрович (1882–1930) — биолог, генетик, в 1920-е гг. возглавлял Бюро по евгенике КЕПС. Ответы Вернадского на вопросы анкеты Филипченко несколько лет тому назад были опубликованы. См. *Соболев В. С.* Академики отвечают на вопросы евгеников. Приложение: Анкета В. И. Вернадского // *Вестник РАН*. 1997. № 5. С. 455–456.

ника сейчас под подозрением и, вероятно, издания Бюро по евгенике изъяты из библиотек ⁶⁹.

Была другая ветвь Короленок на Кубани, и один из них, историк Кубанского казачьего войска ⁷⁰, <был> связан с украинским писателем Кухаренко, тоже кубанцем ⁷¹. Брат этого писателя пластуновский генерал — П. Г. Короленко ⁷² — был близким другом Евграфа Максимовича Короленко и был другом нашей семьи — очень интересный и умный старик, давно умерший. Но я его хорошо помню. Евграф Максимович мне рассказывал, что они познакомились как спутники (оба <были> офицерами) на почтовых по дороге на Кавказские минеральные воды. Назвав свои фамилии, они были удивлены, что оба в бричке <оказались> Короленко. Они сосчитались и нашли, что у них общий предок — Король ⁷³.

Знал я еще одного Короленко, который явился конкурентом как писатель Владимиру Галактионовичу. Его звали Григорием ⁷⁴, это был старик-писатель. Собрание его сочинений беллетристических вышло как раз <тогда>, когда сочинения В. Г. получили известность. У нас смеялись, что он хотел воспользоваться известностью своего родственника. Сколько помню, эти произведения были очень скучные.

Об одном Короленко, как о замечательном человеке, широко образованном, служившем в Сибири, говорит Александр фон Гумбольдт в своем описании научного путешествия по России в 20-х или 30-х годах прошлого столетия. Он благодарит его за помощь, которую он ему оказал в его исследованиях.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 315–316. Машинописная копия.

6

Письмо В. И. Крылову ⁷⁵

8 сентября 1942 г. Боровое

Уважаемый Василий Ильич,

Вчера получил Ваше письмо. Из него вижу, что в Вашем районе упал метеорит, который разбился на несколько кусков. Необходимо сохранить все кус-

⁶⁹ В этой связи см. *Фандо Р. А.* Полемика о судьбе евгеники // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2002. № 3. С. 604–617.

⁷⁰ Короленко Прокопий Петрович – историк Кубанского войска и казачества, колонизации Черноморского побережья.

⁷¹ Кухаренко Яков Герасимович (1800–1862) — украинский писатель и этнограф, живший на Кубани, атаман Черноморского казачьего войска.

⁷² О нем см. *Вернадский В. И.* Письма Н. Е. Вернадской. 1886–1889. М., 1988. С. 197–200.

⁷³ Согласно архивным разысканиям Е. И. Меламеда, — это, вероятно, Иван Григорьевич Король; о нем см. *Меламед Е. И.* Указ. соч., С. 153–154.

⁷⁴ Очевидно, имеется в виду Лавр Григорьевич Короленко (?–1886) — украинский писатель; в 1870–80-х гг. сборники его повестей и рассказов издавались в Киеве. Здесь память подвела Вернадского, переставив местами имя и отчество.

⁷⁵ Крылов Василий Ильич — лесник Б.-Тюктинского лесничества Акмолинской области Казахской ССР. В начале сентября 1942 г. обратился с письмом к В. И. Вернадскому, в кото-

ки, собрать и сохранить их, самые маленькие в том числе, записать все указания очевидцев.

Все куски будут оплачены.

Если возможно будет, из Свердловска приедет сотрудник. Важно указать точно место, день, час и минуты падения. По описанию возможно, что это будет металлический метеорит, более редкий.

Очень прошу Вас известить, нашли ли его ⁷⁶.

При Академии наук существует Метеоритный комитет, председателем которого я являюсь, и национальная метеоритная коллекция нашего Союза хранится в Москве, сейчас она оттуда вывезена и хранится в другом месте.

Изучение и сохранение всякого падения имеет огромное значение. Метеориты приходят к нам из области Млечного пути и каждый из них представляет независимое небесное тело.

Я пишу в Свердловск, чтобы Вам выслали литературу, надо опубликовать о падении в «Акмолинской правде», куда я пишу ⁷⁷. Но прежде всего необходимо найти место падения.

Важно точно указать место падения. Отдельные куски могут упасть на расстоянии нескольких км. Важно указать, в каком направлении шел метеорит. Ориентируйтесь по Солнцу. Посылаю бумагу для ответов и опросов.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 133. Машинописная копия.

7

В альбом А. Г. Вологодина ⁷⁸

23 декабря 1942 г. Боровое

Мы живем в замечательное геологическое время в истории нашей планеты — *антропогенной эре* (А. П. Павлов), когда *стихийно* в течение миллионов лет человек — с остановками, но *неуклонно*, в последние столетия все быстрее, — становится *геологической силой*, меняющей лик нашей планеты. От нас зависит *сделать стихийный процесс сознательным*, превратить область жизни — биосферу — в *царство ума* — в *ноосферу* (Леруа).

Эту цель должны поставить себе *ученые нашей страны*, когда после изгнания гитлеровских варваров перед ними станет во всей его сложности вопрос о *быстром восстановлении производительных сил нашей страны*.

ром описал, по свидетельствам очевидцев, падение на вверенной ему территории неизвестного космического тела.

⁷⁶ Скорее всего, осколки метеорита найдены не были. К этой теме Вернадский в дальнейшем более не возвращался.

⁷⁷ Письмо Вернадского «Где метеорит?» было опубликовано в газете «Акмолинская правда» 14 сентября 1942 г.

⁷⁸ Вологдин Александр Григорьевич (1896–1971) — геолог, палеонтолог, стратиграф, член-корр. АН СССР. В 1941 г. был командирован в Томск в распоряжение Академии наук, с 1943 г. работал в Палеонтологическом институте АН СССР в Москве. «Интересный и крупный ученый», — отзывался о нем Вернадский в письме Личкову 8 июня 1944 г. (Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым. 1940–1944. М., 1980. С. 194). В марте 1949 г. Вологдин был аресто-

Небывалая по разрушительности и жестокости война требует небывалых мер быстрого восстановления разрушенных материальных и духовных ценностей.

Мы можем этого достигнуть, когда, *загодя основываясь на стихийно благоприятных этому условиях* — в общем единении положительных сил человечества, — создадим реальный план научной реконструкции окружающего.

Демократический союз наших союзных стран должен явиться в этой работе *единым фронтом*.

Но предварительно мы должны быстро *создать у себя мощный современный центр научной работы*, отвечающий научной работе XX века.

Материальные средства, которые на это пойдут, *быстро окупятся*. Такого центра в нашей стране нет.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 54. л. 48. Машинописная копия.⁷⁹

Публикация И. И. Мочалова

ван по «Красноярскому делу», осужден на 25 лет лагерей и отправлен на Колыму. В 1954 г. реабилитирован, вернулся на прежнюю работу (Репрессированные геологи. Биографические материалы. М.; СПб., 1995. С. 42). Заметка «В альбом А. Г. Вологодина» напечатана на отдельном листке, была, видимо, послана с оказией или по почте Вологдину, когда он находился в Томске. Идея, пунктирно намеченные в этой заметке, развивались Вернадским в статьях «Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки» (1942), «Несколько слов о ноосфере» (1943), записке «Об организации научной работы» (1942).

⁷⁹ В 1944 г., незадолго до кончины Вернадского, А. Г. Вологдин часто посещает Владимира Ивановича на его московской квартире. Об этом свидетельствуют записи в дневнике:

«14 июля. Очень близко сошелся с А. Г. Вологдиным, читал воспоминания его отца — крепостного с Урала.

14 декабря. Сегодня утром был у меня А. Г. Вологдин. Интересный разговор о палеонтологическом музее, о том, что мы как раз попали в момент, когда сильно уточняется и увеличивается методика определения геологического времени.

21 декабря. Вчера приходил А. Г. Вологдин, читал воспоминания своего отца. Интересная картина Урала, крепостной среды уральских горных заводов.

24 декабря. Вчера зашел Вологдин. Читал дальше воспоминания своего отца. Интересные указания на культурное значение духовенства, причта священников и дьяконов. Интересно, как это будет дальше? Сейчас, по-видимому, на Урале восстанавливается православный клир. Одно время они все стали искать и находили новые профессии. Возвращаясь к разрушенному многовековому культурному слою православного духовенства и спутников его — «сектантства». Православная церковь, по-видимому, сохранится» (Вернадский В. И. Дневник 1944 года // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 9; Ед. хр. 24. Л. 26, 28).